Б. Н. Миронов

ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОВАЛЫ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье аргументируется точка зрения, согласно которой сама по себе Первая мировая война не создала непреодолимых объективных предпосылок для революции. В 1914–1916 гг. российская экономика сумела перестроиться и мобилизоваться для обеспечения военных потребностей государства. Объем промышленного производства на территории империи без Польши и Финляндии за 1914–1916 гг. вырос на 22 %, производительность труда — на 8 %. Сборы сельскохозяйственных культур, как и до войны, находились под сильным влиянием погоды. В 1914–1916 гг. они уменьшались и в 1916 гг. сократились на 19 % сравнительно с 1909–1913 гг. по причине снижения урожайности, что было обусловлено погодой, а не войной. В общероссийском масштабе при падении сборов на 19 % внутренний спрос на хлеб полностью удовлетворялся, так как в 1914 г. были запрещены винокурение и экспорт зерновых, потреблявших в 1909–1913 гг. 24 % чистого сбора зерновых. Поголовье скота за 1914–1916 гг. увеличилось на 29 %. Железнодорожный транспорт удовлетворительно справлялся с возросшими нагрузками. В 1916 г. сравнительно с 1914 г. было перевезено грузов на 52 % больше, пассажиров — на 30 %; коммерческая скорость движения товарных поездов в целом по сети увеличилась с 14 до 16 верст в час. Способность народного хозяйства удовлетворительно адаптироваться к условиям военного времени была результатом успешного развития России в довоенный период.

Свержение монархии принципиально изменило экономическую ситуацию, а после октябрьского переворота она катастрофически быстро ухудшалась. Именно революция породила сначала всеобщий институциональный кризис, в результате которого была парализована или затруднена работа государственных и частных учреждений, промышленных предприятий, транспорта, коммунальных служб, судов и органов охраны правопорядка, а затем и всеобщий экономический кризис. Революционное тунеядство — так можно назвать бесконечные демонстрации, парады, митинги, шествия и т. п., в новых обстоятельствах приобретшее значение престижной революционной деятельности, оплачиваемой как производственная работа, усиливало кризис и выглядело пиром во время чумы.

Не чрезвычайные трудности породили революцию, а революция породила чрезвычайные трудности. Удовлетворительная адаптация экономики к условиям военного времени в 1914–1916 гг. была результатом успешного развития России в пореформенный период. Библиогр. 56 назв.

Ключевые слова: Первая мировая война, Российская революция 1917 г., причины революции, информационный терроризм, двойная депривация, борьба между элитами за власть, информационная война, экономическое положение страны, уровень жизни, преступность, самоубийства, революционное тунеядство.

Для цитирования: Миронов Б. Н. Достижения и провалы российской экономики в годы Первой мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 3. С. 463–480. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.303

Миронов Борис Николаевич — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; b.mironov@ spbu.ru

Mironov Boris Nikolaevich — Doctor in History, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; b.mironov@ spbu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

B. N. Mironov

ACHIEVEMENTS AND FAILURES OF THE RUSSIAN ECONOMY DURING THE FIRST WORLD WAR

This article argues that the First World War did not in itself create insurmountable objective preconditions for revolution. In 1914–1916 the Russian economy succeeded in reorganizing itself and mobilizing to meet the state's military needs. Industrial output within the empire's territory (excluding Poland and Finland) increased by 22 percent in between 1914 4 and 1916, while labor productivity rose by 8 percent. Agricultural yields declined between 1914 4 and 1916, with yields in 1916 lower than those of 1909–1913 by 19 percent, but this reduced productivity was attributable to weather, not to the war. Furthermore, despite this 19-percent decline in yields, the domestic demand for grain at the national level was entirely met thanks to the prohibition in 1914 of alcohol distillation and grain export, two activities that in 1909–1913 had consumed 24 percent of the net grain harvest. From 1914 to 1916 livestock numbers rose by 29 percent. The rail transportation system successfully handled increased freight loads. In 1916, 52 percent more freight was transported than in 1914, and passenger traffic grew by 30 percent; freight trains' scheduled speed over the entire rail network rose from 14 to 16 versts per hour. The economy's ability to adapt satisfactorily to wartime conditions was the product of Russia's successful modernization in the prewar period.

The overthrow of the monarchy changed the economic situation radically, and after the October coup conditions worsened at catastrophic speed. It was the revolution that initially spawned the general institutional crisis, which resulted in the paralysis or hampering of the functioning of public and private institutions, industrial enterprises, transport, communal services, courts, and law enforcement, and then in an all-encompassing economic crisis. Revolutionary parasitism — as one may designate the endless demonstrations, parades, rallies, marches, and the like—which under new circumstances had acquired the importance of prestigious revolutionary activity and was remunerated as if it were productive work, served only to intensify the crisis and seemed like 'fiddling while Rome burned'. Refs 56.

Keywords: First World War, Russian Revolution of 1917, causes of revolution, informational terrorism, dual deprivation, power struggle among elites, information warfare, economic situation of a country, standard of living, criminality, suicide, revolutionary parasitism.

For citation: Mironov B. N. Achievements and failures of the russian economy during the First world war. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2017, vol. 62, issue 3, pp. 463–480. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.303

В историографии существуют две точки зрения на периодизацию революционных событий 1917 г. Согласно первой, в России произошли две революции — в феврале и в октябре, согласно второй — февральский и октябрьский перевороты являлись двумя последовательными стадиями, или этапами, одной революции [Розенберг 2014; Чубарьян 2013]. Вторая точка зрения мне представляется адекватной. Среди причин революции 1917 г. многие современные историки разных направлений на первое место ставят Первую мировую войну [Чубарьян 2006, с. 5]. Этот взгляд обосновал П. Н. Милюков. В соответствии с ним в годы войны по причине бездарного руководства страной произошло снижение объемов производства, уровня и качества жизни, а армия терпела неудачи. Экономический кризис породил социальное напряжение и кризис политический. Но правительство не хотело тесно и конструктивно сотрудничать с «общественными силами». Общество ради выживания было поставлено перед необходимостью свержения монархии. Оппозиция поддержала и возглавила массовые выступления, которые завершились революцией [Милюков 2001, с. 26–40]. Беспристрастный анализ ежегодной динамики экономических процессов с 1913 по 1920 г. показывает, что положение в стране до февральских событий 1917 г. во всех отношениях было достаточно удовлетворительным, а тяжелым оно стало после свержения монархии, катастрофическим —

после октябрьского восстания. Эту точку зрения я сформулировал в 2012 г.: «Недовольство “снизу” и несостоятельность “верхов” до февраля 1917 г. сильно преувеличены <…> Положение россиян во время войны безусловно ухудшилось. Однако не до такой степени, чтобы породить революционную ситуацию» [Миронов 2012, с. 571, 576]. В данной статье я обстоятельно обосновываю эту позицию, *опираясь исключительно на статистические источники официального происхождения.*

Во время войны, до середины 1918 г., данные о состоянии экономики собирались Статистическим советом и Центральным статистическим комитетом при Министерстве внутренних при активном участии губернских статистических комитетов тем же порядком, что и до войны. В июле и сентябре 1918 г. государственная статистика была преобразована, но кадры и методы сбора статистической экономической информации в основном сохранились. Благодаря этому за весь период войны мы имеем свод сопоставимых статистических данных, относящихся ко всей стране, которые в начале 1920-х годов квалифицированные и компетентные сотрудники Центрального статистического управления (ЦСУ) проверили, обработали, систематизировали и опубликовали. Именно эти сведения и используются в статье. Довоенная и военная государственная экономическая статистика неоднократно подвергалась тщательному источниковедческому анализу, в результате которого исследователи пришли к выводу, что она, как правило, занижала уровень изучаемого явления, но достаточно точно отражала его динамику. Другими словами, относительные данные более надежны, чем абсолютные [Миронов 2012, с. 220–232, 238–239; Грегори 1999].

К официальной статистике неоднократно обращались исследователи, но временами результаты их анализа различались главным образом по причине несопоставимости сохранившихся данных за отдельные годы, что обусловливалось тремя факторами. Часть территории империи во время войны была оккупирована, а после войны утрачена Советской Россией. Численность населения ежегодно изменялась по причине уменьшения территории и естественного прироста. Соответственно статистические данные в отдельные годы относились к разной территории и населению. Сильная и прогрессирующая инфляция служила серьезным препятствием для получения сопоставимых стоимостных данных о производстве, потреблении и уровне жизни, в то время как степень инфляции различными экономистами оценивалась по-разному. Чтобы по возможности преодолеть эти трудности, я использовал преимущественно натуральные показатели и оценивал изменения экономики на сопоставимой территории. Конечно, абсолютно точных статистических данных не существует, результаты любого анализа являются ориентировочными, но при правильном и аккуратном их использовании они достаточно удовлетворительно отражают динамику изучаемых экономических явлений.

Экономическое развитие страны в годы войны изучалось в историографии [Головин 2006; Китанина 2016; Критический словарь… 2014; Gatrell 2005; Петров 2017; Шубин 2001]. До 2000-х годов российские и значительная часть зарубежных историков обращали внимание преимущественно, если не исключительно, на негативные явления в народном хозяйстве, считая их закономерным и неизбежным продолжением довоенного системного кризиса режима, и лишь в последние 10–15 лет стали замечать позитивные моменты в экономике и политике царского правительства, причем как до, так и во время войны [Маркевич, Харрисон 2013; Россия в годы Первой мировой войны… 2014, с. 73–118; Gatrell 2015, p. 668–700].

Экономика во время войны и революции

Начну с промышленности. Динамика российского промышленного производства в позднеимперской России занимает заметное место в современной историографии. До недавнего времени акцент делался на 1887–1913 гг. Исследователи пришли к консенсусу относительно повышательного тренда, но разошлись по вопросу темпов роста [Грегори 1999, с. 488]. Динамика российского промышленного производства в годы Первой мировой войны изучена хуже и также оценивается поразному. Существует нескольких «официальных» оценок ЦСУ/ЦУНХУ, Госплана и ВСНХ и несколько неофициальных оценок физического объема промышленного производства [Маркевич, Харрисон 2013, с. 18, 71, 75; Полетаев 1998]. Расхождения в оценках темпа роста объясняются различием в учтенной территории, в числе учтенных отраслей производства, в классификации промышленности на крупную и мелкую, тяжелую и легкую, но главным образом различием в методике построения агрегатного (тотального) индекса динамики производства, которую использовали разные исследователи. При всем различии оценок большинство исследователей считает, что до 1916 г. наблюдался рост объема производства, спад начался в 1917 г., а в конце 1917 г. промышленность вошла в состояние глубокого и нарастающего кризиса [Полетаев 1998, с. 214–216]. В 1917 г. промышленность успешно адаптировалась к военному времени. Согласно сведениям о работе *непрерывно действовавших предприятий*, учтенных фабричной инспекцией на территории Европейской России, с 1913 по 1916 г. (включительно) объем промышленного производства в Европейской России увеличился на 44 % (ежегодно — по 13 %!), число рабочих — на 13 %, а производительность труда — на 27 %. Этот прогресс полностью объясняется успешной работой отраслей, связанных с войной, ибо в гражданских отраслях, на долю которых приходилось лишь 10 % валового производства, объем производства несколько понизился — на 9 %, а производительность труда осталась на довоенном уровне. Рост произошел, несмотря на утрату промышленно развитых регионов империи, Польши и части Прибалтики, дававших 17,4 % общероссийской промышленной продукции, и несмотря на производственный паралич западных губерний. Пик производства вооружения также был достигнут в 1916 г. (табл. 1).

Все промышленное производство на территории империи без Польши и Финляндии за 1913–1916 гг. выросло на 22 %, производительность труда — на 8 % (табл. 1, 2). Для сравнения: валовой объем советской промышленности в годы войны (1940–1945 гг.) понизился на 8 % [Промышленность СССР 1957, с. 9].

Заслуживает упоминания, что во время войны наблюдался не только количественный, но и качественный рост промышленности. Предприятия оснащались современными станками, осваивались новые технологии, распространялась поточная организация производства. Получили развитие новые отрасли промышленности — средств связи, авиационная, автомобильная и химическая; совершило качественный скачок производство вооружений [Gatrell 2005, p. 108–131].

Февральские события принципиально изменили ситуацию в промышленности, а октябрьский переворот ее похоронил. Объем промышленного производства за один 1917 г. упал на 43 %, за 1918 г. — еще на 21 % и в 1920 г. составил лишь 21 % уровня 1913 г. Гражданские отрасли пострадали сильнее. Производительность труда понизилась в 1917 г. на 67 %, в 1918 г. — еще на 26 %. В 1917 г. единственным

Таблица 1. **Цензовая фабрично-заводская промышленность в Европейской России в 1913–1918 гг.**

Показатель	Годы					
	1913	**1914**	**1915**	**1916**	**1917**	**1918**
Вся промышленность*						
Среднее суточное число рабочих, тыс.	772,0	795,0	825,6	872,3	912,3	734,6
Годовое производство, в млн руб.	1830,3	1915,6	2467,4	2631,4	1844,6	382,8
Выработка одного рабочего, в руб.	2371	2410	2989	3017	2022	521
Гражданская промышленность*						
Среднее суточное число рабочих, в тыс. чел.	108,8	107,6	99,7	99,2	103,3	93,7
Годовое производство, в млн руб.	174,6	177,8	170,3	158,8	112,9	39,2
Выработка одного рабочего, в руб.	1605	1652	1708	1601	1093	418
Промышленность, связанная с войной*						
Среднее суточное число рабочих, в тыс. чел.	663,2	687,4	725,9	773,1	809	640,9
Годовое производство, в млн руб.	1655,7	1737,8	2297,1	2472,6	1731,7	343,6
Выработка одного рабочего, в руб.	2497	2528	3164	3198	2141	536

* Непрерывно действовавшие предприятия, учтенные фабричной инспекцией на территории Европейской России.

Источник: [Воробьев 1923, с. 122–125, 153].

Таблица 2. **Динамика фабрично-заводской промышленности в 1913–1920 гг. (на территории СССР в границах 1922 г., в ценах 1913 г.)**

Показатель	Годы							
	1913	**1914**	**1915**	**1916**	**1917**	**1918**	**1919**	**1920**
Валовая продукция, в млн руб.	5620,8	5690,4	6389,7	6831,4	4344,1	1941,4	1447,7	1001
Индекс (1913 г. = 100)	100	101	114	122	77	35	26	18
Число рабочих, в тыс. чел.	2598,6	2667	2641,5	2926	3024,3	2486	2035,3	2953,3
Индекс (1913 г. = 100)	100	103	102	113	116	96	78	114
Фактическая работа, в днях	257	245	241	258	238	219	183	228
Средняя дневная выработка рабочего, в руб. (1913 г.)	8,42	8,71	10,04	9,05	6,04	3,57	3,89	1,48
Индекс (1913 г. = 100)	100	104	119	108	72	42	46	18

Источники: [Сборник статистических сведений 1924, с. 168–169, 171; Воробьев 1923, с. 122–125, 153; Струмилин 1964, с. 365].

фактором падения производства была производительность труда, в 1918 г. вторым важным фактором стало сокращение численности рабочих, ушедших искать спасение в деревню.

В сельском хозяйстве положение можно оценить как нормальное: оно развивалось так же, как до войны, испытывая сильное влияние погоды (табл. 3).

В 1914 г. по сравнению с 1909–1913 гг. посевные площади на сопоставимой территории (за 1915–1917 гг. по ряду губерний сведения не собирались) выросли на 7 %, что неправильно связывать с войной. Яровые культуры уже убрали, а к севу озимых крестьяне уже подготовились. В 1915–1916 гг. посевы сократились на 5 %, а валовые сборы — на 19 %, главным образом по причине снижения урожайности, что также нет оснований связывать с войной. В общероссийском масштабе при падении сборов зерновых на 19 % внутренний спрос на хлеб полностью удов-

Таблица 3. **Посев и сбор главнейших полевых культур в 1909–1921 гг.**

Годы	Посев, в тыс. дес.	Сбор, в тыс. пуд	Урожайность зерновых, в пудах с дес.	Сбор (1909–1913 гг. = 100 %)
На территории в границах РСФСР 1922 г.				
1909–1913	83	5266	51	100
1913	86,4	5971	57	113
1914	88,8	4777	47	91
1915	82,1	5494	53	104
1916	79,2	4266	45	81
1917	79,1	3203	43	61
1918*	72,3**	2519	37	48
1919*	66,2**	2431	39	46
1920	60,5	1384	28	26
1921	53,2	2048	30	39
На территории империи без 10 привислинских губерний				
1909–1913	95,4	6148	51	100
1913	99,5	6163	57	100
1914	101,7	5956	47	97
1915	90,7	6447	53	105

* Оценка по данным о посевах и урожайности.

** Интерполяция по данным о динамике посевов в 1917–1920 гг.

Подсчитано по: [Народное хозяйство в 1916 году 1922, с. 18–47; Сб. статистико-экономических сведений… 1916, с. 234–235; Сб. статистико-экономических сведений… 1917, с. 40–41, 60–61, 236–237, 240–241; Сельское хозяйство России в XX веке… 1923, с. 107, 158, 197, 316–337].

летворялся, так как в 1914 г. были запрещены винокурение и экспорт зерновых, которые в 1909–1913 гг. потребляли около 24 % чистого сбора зерновых [Миронов 2012, с. 237]. Снижение посевов в 1916 г. можно рассматривать как приспособление земледелия к уменьшившемуся спросу на зерновые и картофель ввиду запрещения экспорта сельскохозяйственных товаров и винокурения. В 1917 г., несмотря на огромный призыв крестьян в армию, посевные площади остались на уровне 1916 г., а валовые сборы снизились на 20 % исключительно по причине снижения урожайности. Влияние климата на сельское хозяйство — дело обычное и привычное для российской деревни.

Об отсутствии признаков кризиса в сельском хозяйстве до 1917 г. говорит беспрецедентный рост поголовья скота (табл. 4).

Число лошадей в 1916 г. сравнительно с 1913 г. на сопоставимой территории увеличилось на 4 %, несмотря на большие реквизиции (в 1914–1918 гг. было мобилизовано 2,8 млн лошадей [Россия в мировой войне 1925, с. 22]), крупного рогатого скота — на 20 % и мелкого — на 45 %. Увеличение поголовья обусловливалось возросшим спросом на животную двигательную силу, мясо и шерсть в армии. Красноречивым свидетельством успешной адаптации животноводства к рынку является изменение возрастного состава скота. Доля лошадей в рабочем возрасте от 4 лет и старше в 1916 г. сравнительно с 1912 г. возросла на 8 %, а молодняка — на 40 %. Крестьяне увеличивали поголовье молодняка в расчете на растущий спрос на лошадей в армии (табл. 5).

Таблица 4. **Поголовье скота в России в 1912–1921 гг.**

Год	Лошади	Крупный рогатый скот	Овцы	Козы	Свиньи	Итого	Индекс
47 губерний Европейской России (1913 г. = 100)							
1912	21434	29483	38445	742	11763	101866	95
1913	22108	31367	40212	851	12520	107059	100
1914	20620	29677	37656	816	11920	100687	94
1916	23008	37563	59951	1558	16300	138379	129
Ставропольская губерния							
1912	405	660	1855	34	201	3154	97
1913	444	648	1951	37	175	3255	100
1914	477	782	1941	34	230	3464	106
1916	469	810	2291	33	304	3906	120
В границах СССР 1922 г.							
1916	31506	49966	80908	3086	19587	185052	100
1920	25412	39101	49798	1232	14830	130371	70
1921	23331	36818	48412	1310	12491	122361	66
34 губернии в границах 1919 г.							
1917	10071	16862	31257	604	6343	65138	100
1919	8617	13526	23998	398	3708	50246	77

Источники: [Народное хозяйство в 1916 году 1922, с. 18–47; Сб. статистико-экономических сведений… 1916, с. 234–235; Сб. статистико-экономических сведений… 1917, с. 40–41, 60–61, 236–237, 240–241; Сельское хозяйство России в XX веке… 1923, с. 107, 158, 197, 316–337].

Таблица 5. **Число лошадей в 1912, 1916, 1917 гг. на территории в границах РСФСР 1922 г., в тыс.**

Годы	Возраст лошадей	Итого		
	4+	1–4	жеребята	
1912	20284,3	4864,4	1809,6	26958,3
1916	21972,1	5929,6	3413,5	31315,2
1917	17470,0	3857,6	2708,4	24036
1917*	7665,8	601,0	1804,4	10071,2
1919*	7106,8	639,2	870,8	8616,8

* 34 губернии в границах 1919 г.

Подсчитано по: [Сельское хозяйство России в XX веке 1923, с. 215; Статистический ежегодник 1918–1920 гг. 1921, с. 344–345].

Следовательно, часто встречающееся в литературе мнение об остром недостатке рабочих лошадей в деревне вследствие их реквизиций на нужды армии не соответствует фактам. Несостоятельно и утверждение об остром дефиците рабочей силы ввиду мобилизации мужчин. Число мобилизованных в сельской местности мужчин по всей империи к 1 сентября 1917 г. составило 12,9 млн [Россия в мировой войне… 1925, с. 49]. Однако до войны в деревне существовало значительное аграрное перенаселение. В 50 губерниях Европейской России оно оценивалось в 52 % в 1900 г. и в 56 % в 1914 г. от общего числа рабочих рук, это примерно 23 и 30 млн

работников соответственно. Причем дефицит наблюдался во всех губерниях, хотя в разной степени — от 12 % в Самарской до 69 % в Тамбовской (1900 г.) [Материалы высочайше учрежденной… 1903, с. 249; Материалы к вопросу… 1926, с. 159, 364]. Благодаря этому призванным в армию 47 % трудоспособных мужчин [Россия в мировой войне… 1925, с. 21] нашлась замена.

После падения монархии ситуация в деревне стала ухудшаться. С 1917 г. валовые сборы сельскохозяйственных культур уменьшались вплоть до 1920 г. (включительно), но на этот раз в значительной мере (примерно на 40 %) ввиду уменьшения посевов, т. е. рукотворного фактора. В 1920 г. сравнительно с довоенным уровнем сбор упал на 74 %, посевы — на 27 %, урожайность — на 45 %. Собранный в 1918–1919 гг. урожай был в 2,2 меньше, в 1920–1921 гг. — в 3 раза ниже среднего за 1909–1913 гг. Поголовье скота пошло на убыль также с 1917 г. и к концу 1920 г. уменьшилось на 30 % по сравнению с 1916 г., в том числе лошадей — на 19 %, крупного рогатого скота — на 22 %, мелкого скота — на 36 %. Из-за недостатка кормов и продуктов питания крестьяне пустили скот под нож.

Характерно, что в деревню революция пришла на год позже — в 1918 г., но ее влияние было таким же негативным, как и в городе. В 1917 г. крестьяне работали в режиме предыдущего года; падение валового сбора объяснялось плохой погодой. Но с 1918 г. и до 1921 г. посевные площади стали ежегодно сокращаться на 7 %, несмотря на снижение урожаев и на то, что в село возвратились фронтовики и рабочие.

Причина заключалась в том, что внимание крестьян переключилось с производства на конфискацию имущества помещиков и кулаков. Им удалось вернуть всех «столыпинцев» в общину и пустить земли, принадлежавшие им и помещикам, в общий передел. Раздел конфискованных земель между крестьянами происходил путем смешения этой земли с крестьянскими наделами и последующего общего передела всей земли. Вследствие этого произошло почти сплошное возвращение к передельной общине, резкое уменьшение числа безземельных и малоземельных, с одной стороны, и числа многоземельных — с другой, и общее нивелирование земледельцев по величине посева [Гайстер 1928, с. 6, 14]. Огромная потенциальная добыча в виде имущества помещиков (49 млн га) и земель хуторян и отрубников (19 млн га) [Дубровский 1975, с. 94–95, 191; Першин 1922, с. 46–47] объединила на время всех фактически проживавших в общине, так как крестьяне не знали другого способа «переварить» около 68 млн га земли, кроме уравнительного передела добычи. Да и альтернативного способа в тех условиях просто не существовало. Во-первых, конфискованные земли отдельными участками вклинивалась в надельную землю. Во-вторых, в случае реставрации старого режима возвратить помещикам их земли, которые мир разделил между всеми, было просто невозможно, как невозможно было наказать виновных. Недаром русская пословица гласила: «На мир и суда нет, мир один Бог судит» [Даль 1957, с. 404–405]. Землепашцы захватили также скот, инвентарь и другое имущество привилегированных частных владельцев. В 1917 г. в 47 губерниях последним принадлежало 4 млн голов скота из 154,6 млн. Экспроприация частных имений завершилась к лету 1918 г. [История советского крестьянства… 1986, с. 51]. Конфискация скота и инвентаря также усиливала процесс выравнивания, так как во время войны инвентарь сильно износился, поскольку плохо ремонтировался, а новый покупался мало. В результате к 1922 г. в Совет-

ской России 85 % всей земли оказалось в общинной собственности, а в 67 % общин произошел коренной передел земель [Сборник статистических сведений… 1924, с. 98]. Революция освободила крестьян и от всех долгов, арендных платежей помещикам, а также от расходов на покупку земли. Наступило своего рода головокружение от успехов — сбылась давняя мечта. Казалось, пришла новая счастливая жизнь. На самом деле в переводе на душу населения прирезка земли оказалась намного меньше, чем ожидалось, по разным оценкам — 0,4–0,6 дес., увеличив крестьянский земельный фонд на 21–23 % [О земле… 1921, с. 8–9; Книпович 1920, с. 9; За 5 лет 1922, с. 295]. Конфискация скота могла увеличить поголовье крестьянского скота весьма незначительно: крупного рогатого — на 2,8 %, мелкого — на 2,2 % [Статистический сборник… 1921, с. 185, 193, 2010, 215]. Сельскохозяйственные переписи 1917 и 1919 гг. этот расчет подтверждают: численность скота на душу населения в 1919 г., т. е. после конфискаций, практически не изменилась [Экономическое расслоение крестьянства… 1922, с. 11]. В целом имущество и доходы крестьян при полном использовании захваченного могли возрасти на 20 % [История социалистической экономики… 1976, с. 80–84]. Это не решало проблему бедности даже в среднесрочной, не говоря уже о долгосрочной перспективе.

Как это ни парадоксально звучит, но до свержения монархии имперский транспорт, который всегда считался главным виновником возникших во время войны трудностей и самым слабым звеном в народном хозяйстве, весьма удовлетворительно справлялся с возросшими нагрузками. Накануне войны 61 % перевозок (без учета гужевых) осуществлялся по железной дороге, 23 % — по рекам и 16 % — морем. Во время войны доля железных дорог возросла до 74 %, речного и морского транспорта уменьшилась до 26 % [Народное хозяйство…]. Увеличилось значение железнодорожного транспорта и в перевозках хлебных продуктов. В 1913 г. 75 % внутрироссийских перевозок хлеба приходилось на железные дороги, 22 % — на реки и 3 % — на малый и дальний каботаж, в 1920 г. соответственно — 84, 14 и 2 % [Сборник статистических сведений… 1924, с. 452–453]. За 1915–1916 гг. было введено в эксплуатацию 8530 верст железнодорожных путей, благодаря чему к началу 1917 г. протяженность железнодорожной сети страны достигла 72 279 верст (в том числе 45 518 казенных железных дорог и 26 761 — частных) [Краткие сведения… 2002, с. 89, 91]. Число действующих паровозов увеличилось на 14 %, вагонов — на 36 %, в 1916 г. было перевезено сравнительно с 1914 г. на 52 % больше грузов, пассажиров — на 30 %; коммерческая скорость движения товарных поездов в целом по сети увеличилась с 13,6 до 16 верст в час, а на пути от Владивостока до Петрограда (через КВЖД) — с 9 до 16 верст в час, что позволило сократить время в пути с 35 до 20 суток [Краткий очерк деятельности… 1916, с. 50–51; Шмуккер 1923, с. 202, 204–206]. Производительность труда (перевозка грузов на 1 работника) возросла на 36 %. Железнодорожники «заставили» каждый паровоз перевозить грузов в среднем на 22 % больше, а вагон — на 6 % больше (табл. 6).

Однако в речном и морском транспорте успехов не наблюдалось (табл. 7).

В первые два года войны в Европейской части объем перевозок по рекам сократился на 25 %, в Сибири — на 39 %. Но причина этого была не в кризисе водного транспорта как такового, а в сокращении экспорта ввиду блокады Балтийского и Черного морей немцами и в запрещении вывозить некоторые товары, например хлебные продукты. Объем каботажных перевозок в 1914–1916 гг. остался на

Таблица 6. **Работа железнодорожного и водного транспорта в 1913–1921 гг. (в натуральных показателях)**

Показатель	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920	1921
Железнодорожный транспорт									
Среднегодовая эксплуатационная длина, в тыс. верст	63,7	63,3	60,0	51,8	59281	25100	30370	53300	61486
Перевезено грузов по дорогам, в млрд пуд.	17,5	17,0	21,7	25,8	18,8	4,7	1,9	1,9	2,0
Перевезено пассажиров, в млн чел.	246,7	241,9	259,6	313,9	310,1	—	—	—	76,6
Общее число работников на железнодорожном транспорте, в тыс. чел.	816	888	905	(905)	(905)	(905)	(905)	1194	931
Перевезено всех грузов на 1 работника, в пудо-верстах	—	4014	4444	5467	2322	1095	—	452	263
Перевезено грузов на один паровоз, в млн пудо-верст	—	180	203	220	93	108	40	26	—
Перевезено грузов на один вагон, в тыс. пудо-верст	—	7,0	6,8	7,2	3,0	—	—	—	—
Средняя нагрузка груженого вагона, в пуд.	637	636	—	—	557	—	—	491	513
Средняя нетто-нагрузка поезда, в тыс. пуд.	18,4	16,8	17,2	—	17,3	—	—	12,0	13,9
Средняя коммерческая скорость движения товарных поездов, в верстах в час	13,6	—	—	16,0	13,2	13,0	12,5	12,3	12,7
Общий пробег всех грузов, в млрд пудо-верст	4346	4276	4753	—	3606	—	—	824	919
Средняя густота движения на версту длины, в млн пуд.	68,2	67,5	79,3	—	60,8	—	—	13,3	14,5
Пробег всех вагонов на одного работника, в тыс. вагоно-верст	9,9	10,1	14,9	12,6	2,3	—	1,8	1,8	—
Водные пути сообщения									
Объем речных перевозок, в млн пуд,	2212	2329	—	1748	1331	431	339	750	771
в том числе: главные хлеба, в млн пуд.	224	236	—	282	86	10	19	34	30
Грузооборот рек Западной Сибири (прибытие), в млн пуд.	107,8	120,5	71,1	72,3	74,0	—	—	—	—
Грузооборот рек Западной Сибири (отправление), в млн пуд.	107,8	120,5	105,9	73,2	74,0	—	—	—	—
Морские перевозки в неблокированных морях, в тыс. регистровых тонн	—	783	767	779	745	—	—	—	—

* Количество грузов, перевезенных по Волго-Невско-Северо-Двинской группе водных путей.

** Общая чистая вместимость действовавших судов в регистровых тоннах.

Подсчитано по: [Итоги десятилетия… 1928, с. 436–449; Краткий очерк деятельности… 1916, с. 50–51; Материалы по статистике… 1921, с. 35; Народное хозяйство…; Сборник статистических сведений по Союзу ССР… 1924, с. 440–443; Статистический ежегодник 1918–1920 гг. … 1925, с. 23–63; Статистический ежегодник 1922 и 1923 г. … 1925, с. 102–103, 118, 125–126; Статистический сборник за 1913–1917 гг. … 1922, с. 138–170, 203–225].

Таблица 7. **Динамика перевозок водным транспортом в 1913–1921 гг. (1914 г. = 100 %)**

Показатель	Годы								
	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920	1921
Объем речных перевозок*,	95	100	—	75	57	18	15	32	33
в том числе: главные хлеба	95	100	—	119	36	4	8	14	13
Грузооборот рек Западной Сибири	89	100	88	61	61	—	—	—	—
Морские перевозки через неблокированные моря**	—	100	98	99	95	—	—	—	—

* Количество грузов, перевезенных по Волго-Невско-Северо-Двинской группе водных путей.

** Общая чистая вместимость действовавших судов в регистровых тоннах.

Подсчитано по: [Итоги десятилетия… 1928, с. 436–449; Краткий очерк деятельности… 1916, с. 50–51; Материалы по статистике… 1921, с. 35; Народное хозяйство…; Сборник статистических сведений по Союзу ССР… 1924, с. 440–443; Статистический ежегодник 1918–1920 гг. … 1925, с. 23–63; Статистический ежегодник 1922 и 1923 г. … 1925, с. 102–103, 118, 125–126; Статистический сборник за 1913–1917 гг. … 1922, с. 138–170, 203–225].

Таблица 8. **Экспорт сельскохозяйственных товаров из России в 1911–1918 гг., в млн руб. (в ценах 1913 г.)**

Состав экспорта	Годы					
	1911–1913	1914	1915	1916	1917	1918
Хлебные продукты	899,0	521,1	164,6	26,6	24,3	47,3
Продукты животноводства	276,9	171,6	103	40,3	2,8	4,8
Общий экспорт	1543,3	955,1	401,9	476,5	464	73,7

Подсчитано по: [Сельское хозяйство России в XX веке 1923, с. 301–305, 314–335].

довоенном уровне. Уже в 1914 г. валовой экспорт из России упал на 38 % по сравнению с 1911–1913 гг., в 1916 г. — в 3 раза (табл. 8).

Особенно пострадал экспорт хлеба: в 1914 г. он сократился почти вдвое, в 1916 г. — в 33 раза сравнительно с довоенным уровнем, что должно было повлиять и на сокращение хлебных перевозок водным транспортом. В 1909–1913 гг. в империи перевозилось по воде 651,4 млн пуд. хлебных грузов, а на экспорт шло 629,3 млн пуд., или 97 % [Производство, перевозки и потребление… 1917, с. 230–231]. Речные водные перевозки обслуживали в значительной степени экспортную торговлю. В 1909–1913 гг. через порты и таможни Санкт-Петербургской губернии за границу в среднем в год отправлялось 53,7 млн пуд., а внутренними водными путями доставлялось 40,3 млн пуд. Через порты Черного моря экспортировалось 469,9 млн пуд., привозилось речными водными путями — 103, 5 млн пуд. Через порты Архангельской губернии вывозилось 5,1 млн пуд., а привозилось водой 5,9 млн пуд. [Производство, перевозки и потребление… 1917, с. 206–207, 212–213].

Драматическое сокращение экспорта привело к сокращению не только морских, но и речных перевозок. Спрос на речные и морские перевозки упал, вместе с этим упал и объем перевозок водой. Вероятно, небольшая скорость движения речного транспорта также имела значение. Грузы по рекам передвигались по течению самоходом со скоростью движения воды, которая в Европейской России была невысокой. Например, наибольшая скорость течения Волги у Ярославля в период навигации в конце XIX — начале XX в. в мае достигала 2,8 км/ч, в сентябре — 1,2 км/ч.

Против течения передвижение осуществлялось с помощью бурлаков и лошадей, шедших по берегу со скоростью менее 3 км/ч. Даже буксирные пароходы против течения двигались со средней скоростью от 3–5 км/ч и покрывали в среднем около 100 км в сутки [Миронов 2014, с. 146]. В условиях войны, когда время было дороже денег и нередко имело решающее значение, перевозки по возможности осуществлялись в 3–5 раз более быстрыми железными дорогами, а речному транспорту доставались грузы по остаточному принципу.

Некоторые исследователи причину сокращения водных перевозок видят в том, что речной флот и береговая инфраструктура находились в собственности частных судовладельцев, правительство не вмешивалось в дела водного транспорта. Поэтому, когда возникла необходимость быстро мобилизовать флот, правительству сделать это не удалось [Речное судоходство в России 1985, с. 306]. По моему мнению, указанная причина могла бы объяснить стагнацию перевозок, а не их уменьшение. В военное время речной транспорт вполне мог работать по крайней мере на довоенном уровне. Но этого не произошло, скорее всего, по причине уменьшения спроса на водные перевозки. В пользу такого предположения говорит и тот факт, что в далекой от фронта Сибири грузооборот водой к 1916 г. сократился даже больше, чем в Европейской России, — на 39 %.

Перевозки гужевым транспортом внутри страны не регистрировались. Однако число занятых в них лошадей свидетельствует о существенном росте грузооборота. На 1 октября 1914 г. потребности армии обслуживала 671 тыс. лошадей, на 1 января 1915 г. — 1036 тыс., на 1 февраля 1916 г. — 1590 тыс., на 1 сентября 1917 г. — 2760 тыс., и еще 400 тыс. находились в распоряжении организаций и предприятий, связанных с обеспечением и обслуживанием армии [Васильев 1939, с. 119–123, 149; Роганов 1927, с. 21–25].

В целом объем перевозок за 1914–1916 гг. увеличился примерно на 44 %, поскольку на 44 % увеличился национальный доход, созданный в транспортном секторе [Маркевич, Харрисон 2013, с. 17–18, 53]. Железнодорожный транспорт вместе с гужевым взяли на себя всю тяжесть перевозок и компенсировали сокращение грузооборота водой. Трудности с железнодорожными перевозками, возникшие в декабре 1916 — феврале 1917 г., объяснялись тяжелыми погодными условиями. Вследствие сильных морозов увеличился расход топлива, понизился оборот паровозов и вагонов, сократилась длина составов и упала скорость движения. Не работали поворотные круги, гидравлические колонки, стрелки; зафиксировано примерзание паровозов у гидравлических колонок после набора воды. Затруднения создавали метели и снежные заносы, которые иногда полностью парализовывали движение поездов [Сенин 2009, с. 115–203].

После свержения монархии транспорт вступил в полосу кризиса. Перевозка грузов по железным дорогам за один только 1917 г. рухнула в 1,8 раза, скорость поездов снизилась в 1,22 раза. И не в технике было дело — число паровозов и вагонов в 1917 г. возросло в 1,2 и 1,4 раза соответственно. Главной причиной был человеческий фактор: производительность труда (перевозка грузов на одного работника, на один паровоз и один вагон) упала в 2,3 раза. Падение перевозок стремительно продолжилось и в последующие годы, в 1920 г. грузооборот и производительность труда уменьшились в 9 раз сравнительно с довоенным уровнем. Объем речных перевозок за 1917 г. в Европейской части страны упал на треть и составил только 57 % довоенного уровня.

Как известно, биржа является чутким барометром экономической конъюнктуры. В преддверии Первой мировой войны 25 июля 1914 г. на российских биржах наблюдалась паника. 29 июля 1914 г. торговля ценными бумагами временно была приостановлена, а 1 августа 1914 г. прекращена. Однако возникли внебиржевые торги — так называемые «частные биржи», которые полуофициально оставались действующим рынком ценных бумаг. С конца 1915 — начала 1916 г. в прессе стали публиковаться котировки частных биржевых собраний. При подведении экономических итогов за 1915 г. оказалось, что промышленные предприятия в подавляющем числе получили прибыль и выдали хорошие дивиденды. Это изменило экономическую ситуацию в стране. Обороты биржевой торговли росли с каждым днем. Сделки совершались во всех крупных российских городах. Биржевой бум достиг своего апогея в августе 1916 г.; затем началось кратковременное понижение. В сентябре биржа снова окрепла, и благоприятная конъюнктура держалась до конца 2016 г. На этом благоприятном фоне 6 февраля 1917 г. состоялось торжественное открытие Петроградской фондовой биржи, а в Москве приступили к подготовке открытия биржевых собраний. В течение февраля 1917 г. наблюдался устойчивый курс рубля, акций, облигаций на иностранных и русских биржах (Лондон, Нью-Йорк, Париж) и в Петрограде. В дни февральских беспорядков (с 24 февраля по 3 марта 1917 г.) произошло небольшое и временное падение котировок, но курс рубля оставался стабильным. Но 12 марта (27 февраля) биржевые сделки снова были приостановлены, а 16 (3) марта 1917 г. биржа окончательно закрылась. Торговля ценными бумагами еще некоторое время сохранялась, перейдя к внебиржевой продаже «из рук в руки» без всякого курса и котировки [Торгово-промышленная газета 1917; Статистический сборник… 1921, с. 94–96; Лизунов 2014, с. 200–205; Пайпс 1994, с. 177]. Официальное открытие биржи за месяц до февральских событий, ее нормальное функционирование в 1916 — феврале 1917 г. вплоть до свержения монархии, устойчивость цен на русские фонды, акции, облигации и вексельного курса за границей — все это свидетельствует о том, что российский и зарубежный бизнес считал, что экономическое положение в России удовлетворительное.

После свержения монархии начался полномасштабный экономический кризис, который усилился после захвата власти большевиками и к 1920 г. достиг своего апогея. Наши расчеты, основанные на натуральных показателях, относятся только к промышленности, сельскому хозяйству и транспорту. Как обстояло дело в других секторах и в целом в экономике? Ответ дает чистый национальный доход (ЧНД), который оценивает *производство всех товаров и услуг* (без амортизации). Согласно последней по времени и весьма ориентировочной оценке А. Маркевича и М. Харрисона, в 1914 и 1915 гг. ЧНД находился на уровне 1913 г. Незначительный спад начался только в 1916 г. и в целом по всем секторам не превысил 7 %. Он объяснялся главным образом снижением валовых сборов основных сельскохозяйственных культур вследствие снижения урожайности в 1916 г. на 15 % сравнительно с 1915 г. (табл. 3, 9). Этот процесс характеризуют приводимые ниже данные в сопоставимых ценах на территории СССР в границах 1921 г.

Динамика национального дохода в 1917–1921 гг. отразила степень кризиса, вызванного революцией, в масштабе всего народного хозяйства. За один лишь 1917 г. ЧНД рухнул на 18 процентных пунктов ниже уровня 1913 г., в 1918 г. он составил лишь половину, а в 1921 г. — немногим более трети от уровня 1913 г. Две вспышки

Чистый национальный доход в 1913–1920 гг. (1913 г. = 100 %)
[Маркевич, Харрисон 2013, с. 15, 18]

1913 г.	100
1914 г.	98
1915 г.	102
1916 г.	93
1917 г.	82
1918 г.	50
1919 г.	43
1920 г.	42
1921 г.	38

революционного насилия в 1917 г. … И экономика съежилась: в 1918 г. — в 2 раза, в 1921 г. — почти в 3 раза. Особенно острым был спад на транспорте — в 4,5 раза, чуть меньше в крупной промышленности — в 4,2 раза, в сфере гражданского производства и услуг — в 2 раза.

Итак, в 1914–1916 гг. российская экономика сумела перестроиться и мобилизоваться для обеспечения военных потребностей государства, во всяком случае намного лучше, чем принято считать. Удовлетворительная адаптация народного хозяйства к условиям военного времени была результатом успешного развития России в довоенный период, что обстоятельно рассмотрено в моей книге [Миронов 2014, 2015]. После свержения монархии начался тотальный экономический кризис, который усилился после захвата власти большевиками и к 1920 г. достиг своего апогея. Именно революция породила сначала всеобщий институциональный кризис, в результате которого была парализована или затруднена работа государственных и частных учреждений, промышленных предприятий, транспорта, коммунальных служб, судов и органов охраны правопорядка, а затем наступил и всеобщий экономический кризис. Революционное тунеядство — так можно назвать бесконечные демонстрации, парады, митинги, шествия и т. п., в новых обстоятельствах ставшие престижной революционной деятельностью, оплачиваемой как производственная работа, что усиливало кризис и выглядело пиром во время чумы.

Параллельно с развитием экономики изменялся уровень жизни населения. До падения монархии обеспечение продовольствием находилось на удовлетворительном уровне. Несмотря на военные трудности, уровень доходов у крестьян повысился существенно, у рабочих — незначительно. По мнению современников, положительно сказалось на благосостоянии населения запрещение продажи алкоголя — уменьшились пьянство и семейное насилие, понизилась преступность, выросло потребление, увеличились вклады в банки. После свержения монархии в материальном положении всех слоев населения наступил перелом к худшему. Но это другая история, которой будет посвящена специальная статья в следующем выпуске «Вестника СПбГУ».

Источники и литература

Васильев Н. Г. Транспорт России в войне 1914–1918 гг. М.: Воениздат, 1939. 260 с.
Волков В. В. К вопросу об аграрном перенаселении в России в конце XIX — начале XX в. (к 110-летию начала работы «Комиссии “Центра”») // Клио. 2012. № 1 (61). С. 61–68.

Воробьев Н. Я. Изменения в русской промышленности в период войны и революции // Вестник статистики. 1923. Кн. XIV. Апрель–июнь. С. 113–154.
Гайстер Ф. Расслоение советской деревни. М.: Изд-во Комакадемии, 1928. 141 с.
Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне. М.: Вече, 2006. 528 с.
Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Гослитиздат, 1957. 991 с.
Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство в период империализма. М.: Наука, 1975. 398 с.
За 5 лет: 1917–1922. Сб. ЦК РКП. М.: Красная новь, 1922. 422 с.
История советского крестьянства: в 5 т. Т. 1. Крестьянство в первое десятилетие советской власти: 1917–1927 / ред. Г. В. Шарапов. М.: Наука, 1986. 455 с.
Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917–1927. М.: ЦСУ, 1928. 514 с.
Китанина Т. М. Россия в Первой мировой войне, 1914–1917 гг.: экономика и экономическая политика. Курс лекций. СПб.: Гуманитарная академия, 2016. 348 с.
Книпович Б. Н. Очерк деятельности Народного комиссариата земледелия за три года (1917–1920). М.: Гос. изд-во, 1920. 46 с.
Краткие сведения о развитии отечественных железных дорог с 1838 по 2000 г. / сост. Г. М. Афонина. М.: Ж.-д. дело, 2002. С. 89, 91.
Краткий очерк деятельности русских железных дорог во вторую Отечественную войну: в 2 ч. Ч. 1. Пг.: Типогр. Н. И. Евстифеева, 1916. 61 с.
Критический словарь Русской революции: 1914–1921. СПб.: Нестор-История, 2014. 768 с.
Лизунов П. В. Неофициальная биржа и банки в Петербурге в годы Первой мировой войны // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (К столетию начала Первой мировой войны). Материалы международной научной конференции. 14–16 марта 2014 г. / ред. В. Н. Скворцов. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2014. С. 200–205.
Маркевич А., Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М.: Мысль, 2013. 111 с.
Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1901 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России: в 3 ч. СПб.: П. П. Сойкин, 1903. Ч. 1. 315 с.
Материалы к вопросу об избыточном труде в сельском хозяйстве СССР / ред. Л. И. Лубны-Герцык. М.: Гос. Колонизационный науч.-исслед. ин-т, 1926. 570 с.
Материалы по статистике путей сообщения: в 129 вып. Вып. 1. Общие сведения по путям сообщения. М.: Изд-во НКПС, 1921. 134 с.
Милюков П. Н. История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001. 765 с.
Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. 2-е изд. испр., доп. М.: Весь мир, 2012. 848 с.
Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Т. 1. 896 с.
Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Т. 2. 912 с.
Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Т. 3. 992 с.
Народное хозяйство в 1916 году. Вып. 7. Сводные статистические таблицы за 1913–1916 гг. Пг.: 26-я гос. тип., 1922. 295 с.
Народное хозяйство СССР за 1913–1956 гг. (Краткий статистический сборник) // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 33. Д. 2310. Л. 115–116. URL: http://istmat.info/node/36699 (дата обращения: 1.03.2017).
О земле. 1921: в 3 вып. Вып. 1. О прошлом и будущем земельно-хозяйственного строительства. М.: Ред.-изд. Комитета Народного Комиссариата Земледелия, 1921. 192 с.
Пайпс Р. Русская революция: в 2 ч. М.: РОССПЭН, 1994. Ч. 2. 584 с.
Першин П. Н. Участковое землепользование в России: Хутора и отруба, их распространение за десятилетие 1907–1916 г.г. и судьбы во время революции (1917–1920 г.г.). М.: Новая деревня, 1922. 52 с.
Петров Ю. А. Экономика России накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тренды // Труды Отделения историко-филологических наук. 2016 / отв. ред. В. А. Тишков. М.: Наука, 2017. С. 233–246.
Промышленность СССР: стат. сб. М.: Гос. стат. изд-во, 1957. 446 с.
Речное судоходство в России / ред. М. Н. Чеботарев. М.: Транспорт, 1985. 352 с.
Роганов Е. М. Гужевой транспорт. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 78 с.

Розенберг У. Интерпретируя Русскую революцию // Критический словарь Русской революции. 1914–1921. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 35–51.
Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / ред. Ю. А. Петров. М.: РОССПЭН, 2014. 982 с.
Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М.: Типогр. МКХ, 1925. 103 с.
Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного коллоквиума / ред. Н. Н. Смирнов, У. Г. Розенберг. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 567 с.
Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год 9. Пг.: Типогр. И. Ф. Вайсберга, 1916. 649 с.
Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год 10. Пг.: Типогр. И. Ф. Вайсберга, 1917. 671 с.
Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923. За пять лет работы ЦСУ. М.: Типогр. МКХ, 1924. 481 с.
Сельское хозяйство России в XX веке. Сб. статистико-экономических сведений за 1901–1922 гг. / ред. Н. П. Огановский, Н. Д. Кондратьев. М.: Новая деревня, 1923. 340 с.
Сенин А. С. Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций (1914–1922 гг.). М.: Транспортная книга, 2009. 316 с.
Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М.: Наука, 1973. 655 с.
Статистический ежегодник 1918–1920 гг. Вып. 1: В 2 частях. М.: 14-я Гос. типогр., 1921. Отдел 8. 517 с. + 178 с.
Статистический ежегодник 1922 и 1923 г.: в 2 вып. Вып. 2. М.: 14-я Гос. типогр., 1925. 239 с.
Статистический сборник за 1913–1917 гг.: в 2 вып. Вып. 1. М.: Типогр. МКХ, 1921. 277 с.; вып. 2. 1922. 307 с.
Струмилин С. Г. Избр. произведения: в 5 т. Т. 3. М.: Наука, 1964. 327 с.
Чубарьян А. О. Предисловие // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: Материалы Международной научной конференции 7–8 сентября 2004 г. / ред. В. П. Козлов. М.: Наука, 2006. С. 5–10.
Чубарьян А. О. Александр Чубарьян — о новом учебнике истории, 2 августа 2013 г. // URL: http://www.nakanune.ru/articles/18265 (дата обращения: 10.04.2017).
Шмуккер М. М. Очерки финансов и экономики железнодорожного транспорта России за 1913–1922 гг. (В связи с общими экономическими явлениями жизни страны). М.: Транспечать, 1923. 294 с.
Шубин Н. А. Россия в Первой мировой войне. Историография проблемы (1914–2000 гг.): дис. … д-ра ист. наук. М.: Моск. гос. ун-т сервиса, 2001. 289 с.
Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 г. М.: Моспролиграф, 1922. 24, 183 с.
Gatrell P. Russia's First World War: a Social and Economic History. Harlow [etc.]: Pearson Longman, 2005. 318 p.
Gatrell P. Tsarist Russia at War: the View from Above, 1914 — February 1917 // The Journal of Modern History. 2015. Vol. 87. N 3. P. 668–700.

References

Vasil'yev N. G. *Transport Rossii v voyne 1914–1918 gg*. Moscow, Voyenizdat, 1939, 260 p. (In Russian)
Volkov V. V. K voprosu ob agrarnom perenaselenii v Rossii v kontse XIX — nachale XX v. (k 110-letiiu nachala raboty Komissii "Tsentra"). *Klio*, 2012, no. 1 (61), pp. 61–68. (In Russian)
Vorob'yev N. Ya. Izmenenii v russkoi promyshlennosti v period voyny i revolyutsii. *Vestnik statistiki* [*Bulletin of Statistics*], 1923, volume XIV, April — June, pp. 113–154. (In Russian)
Gayster F. *Rassloyenie sovetskoi derevni*. Moscow, Komakademija Publ., 1928, 141 p. (In Russian)
Golovin N. N. *Rossiia v pervoy mirovoi voyne*. Moscow, Veche Publ., 2006, 528 p. (In Russian)
Dal' V. I. *Poslovitsy russkogo naroda*. Moscow, Goslitizdat, 1957, 991 p. (In Russian)
Dubrovsky S. M. *Sel'skoye khozyaystvo i krest'yanstvo v period imperializma*. Moscow, Nauka Publ., 1975, 398 p. (In Russian)
Za 5 let: 1917–1922. Sb. TSK RKP. Moscow, Krasnaya Nov' Publ., 1922, 422 p. (In Russian)
Istoria sovetskogo krest'ianstva. In 5 vols. Vol. 1. Krest'ianstvo v pervoe desyatiletie sovetskoi vlasti: 1917–1927. Ed. by G. V. Sharapov. Moscow, Nauka Publ., 1986, 455 p. (In Russian)

Itogi desiateletia Sovetskoi vlasti v tsifrakh. 1917–1927. Moscow, TSSU Publ., 1928, 514 p. (In Russian)
Kitanina T. M. *Rossia v Pervoi mirovoi voine, 1914–1917 gg.: ekonomika i ekonomicheskaia politika: kurs lektsii*. St. Petersburg: Gumanitarnaia akademia Publ., 2016, 348 p. (In Russian)
Knipovich B. N. *Ocherk deiatel'nosti Narodnogo komissariata zemledeliya za tri goda (1917–1920)*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1920, 46 p. (In Russian)
Kratkiye svedenia o razvitii otechestvennikh zheleznikh dorog s 1838 po 2000 g. Comp. by G. M. Afonin. Moscow, Zheleznodorozhnoe delo Publ., 2002, 229 p. (In Russian)
Kratkiy ocherk deyatel'nosti russkikh zheleznykh dorog vo vtoruyu Otechestvennoi voinu. In 2 parts. Part 1. Petrograd, Tipografia N. I. Yevstifeieva, 1916, 61 p. (In Russian)
Kriticheskiy slovar' Russkoy revolyutsii: 1914–1921. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2014, 768 p. (In Russian)
Lizunov P. V. Neofitsialnaia birzha i banki v Peterburge v gody pervoi mirovoi voyny. *Voina i povsednevnaia zhizn' naseleniia Rossii XVII–XX vv. (K stoletiiu nachala Pervoi mirovoi voiny): materialy mezhd. nauchnoy konf. 14–16 marta 2014 g.* Ed. by V. N. Skvortsov. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2014, pp. 200–205. (In Russian)
Markevich A., Kharrison M. *Pervaia mirovaia voina, Grazhdanskaia voina i vosstanovleniye: natsional'nyi dokhod Rossii v 1913–1928 gg*. Moscow, Mysl' Publ., 2013, 111 p. (In Russian)
Materialy Vysochayshe uchrezhdennoi 16 noyabria 1901 g. Komissii po issledovaniiu voprosa o dvizhenii s 1861 g. po 1901 g. blagosostoyaniia sel'skogo naseleniia srednezemledel'cheskikh gubernii sravnitel'no s drugimi mestnostyami Yevropeyskoi Rossii. In 3 parts. St. Petersburg, [Publ. by] P. P. Soikin, 1903. Part 1, 315 p. (In Russian)
Materialy k voprosu ob izbytochnom trude v sel'skom khozyaystve SSSR. Ed. by L. I. Lubny-Gertsyk. Moscow, The State Colonization Research Institute Publ., 1926, 570 p. (In Russian)
Materialy po statistike putey soobshcheniia. In 129 Issues. Issue 1. Obshchie svedeniia po putyam soobshcheniia. Moscow, NKPS Publ., 1921, 134 p. (In Russian)
Milyukov P. N. *Istoriya vtoroy russkoy revolyutsii*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001, 765 p. (In Russian)
Mironov B. N. *Blagosostoyaniye naseleniya i revolyutsii v imperskoy Rossii: XVIII — nachalo XX veka*. 2nd ed., correction. Moscow, Ves' mir Publ., 2012, 848 p. (In Russian)
Mironov B. N. *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modern. In 3 vols*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2014, volume 1, 896 p. (In Russian)
Mironov B. N. *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modern. In 3 vols*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2015, volume 2, 912 p. (In Russian)
Mironov B. N. *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modern. In 3 vols*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2015, volume 3, 992 p. (In Russian)
Narodnoye khozyaystvo v 1916 godu. Volume 7. Svodnyye statisticheskiye tablitsy za 1913–1916 gg.. Petrograd, 26-ya Gos. Tipogr., 1922, 295 p. (In Russian)
Narodnoye khozyaystvo SSSR za 1913–1956 gg. (Kratkiy statisticheskiy sbornik). *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki (RGAE)*, f. 1562, op. 33, d. 2310, ll. 115–116. Available at: http://istmat.info/node/36699 (accessed 01.03.2017) (In Russian, unpublished)
O zemle. 1921. In 3 issues. Issue 1. O proshlom i budushchem zemel'no-khozyaystvennogo stroitel'stva. Moscow, Komitet Narodnogo Komissariata Zemledelia Publ., 1921, 192 p. (In Russian)
Payps R. *Russkaya revolyutsiia*. In 2 parts. Moscow, ROSSPEN Publ., 1994, Part 2, 584 p. (In Russian)
Pershin P. N. *Uchastkovoye zemlepol'zovaniye v Rossii: Khutora i otruba, ikh rasprostranenie za desiatiletie 1907–1916 g.g. i sud'by vo vremia revolutsii (1917–1920 gg.)*. Moscow, Novaia derevnya Publ., 1922, 52 p. (In Russian)
Petrov Y. U. A. Ekonomika Rossii nakanune Velikoy revolyutsii 1917 g.: Sovremennyye istoriograficheskiye trendy. *Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk RAN*. Ed. by V. A. Tishkov. Moscow, Nauka Publ., 2017, pp. 233–246. (In Russian)
Promyshlennost' SSSR: Statisticheskiy sbornik. Moscow, Gos. statist. Izd-vo, 1957, 446 p. (In Russian)
Rechnoye sudokhodstvo v Rossii. Ed. by M. N. Chebotarev. Moscow, Transport Publ., 1985, 352 p. (In Russian)
Roganov Y. M. *Guzhevoy transport*. Moscow; Leningrad, Gos. izd-vo, 1927, 78 p. (In Russian)
Rozenberg U. Interpretruia Russkuyu revolyutsiyu. *Kriticheskiy slovar' Russkoy revolyutsii: 1914–1921*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2014, pp. 35–51. (In Russian)
Rossiya v gody Pervoy mirovoy voyny: ekonomicheskoye polozheniye, sotsial'nyye protsessy, politicheskiy krizis. Ed. by Y. A. Petrov. Moscow, ROSSPEN Publ., 2014, 982 p. (In Russian)
Rossiia v mirovoi voine 1914–1918 goda (v tsifrakh). Moscow, Tipografiia MKKH, 1925, 103 p. (In Russian)
Rossiia i Pervaia mirovaia voyna. Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma. Ed. by N. N. Smirnov, U. G. Rozenberg. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 1999, 567 p. (In Russian)

Sbornik statistiko-ekonomicheskikh svedenii po sel'skomu khozyaystvu Rossii i inostrannykh gosudarstv. God 9. Petrograd, Tipografiia I. F. Vaisberga, 1916, 649 p. (In Russian)
Sbornik statistiko-ekonomicheskikh svedeniy po sel'skomu khozyaystvu Rossii i inostrannykh gosudarstv. God 10. Petrograd, Tipogr. I. F. Vaysberga, 1917, 671 p. (In Russian)
Sbornik statisticheskikh svedeniy po Soiuzu SSR. 1918–1923. Za pyat' let raboty TSSU. Moscow, Tipografiia MKKH, 1924, 481 p. (In Russian)
Sel'skoye khozyaystvo Rossii v XX veke: Sbornik statistiko-ekonomicheskikh svedeniy za 1901–1922 gg.. Ed. by N. P. Oganovskiy, N. D. Kondrat'yev. Moscow, Novaia derevnia Publ., 1923, 340 p. (In Russian)
Senin A. S. *Zheleznodorozhnyy transport Rossii v epokhu voin i revoliutsii (1914–1922 gg.)*. Moscow, Transportnaia kniga Publ., 2009, 316 p. (In Russian)
Sidorov A. L. *Ekonomicheskoie polozhenie Rossii v gody pervoi mirovoi voiny*. Moscow, Nauka Publ., 1973, 655 p. (In Russian)
Statisticheskii ezhegodnik 1918–1920 gg. Issue 1. In 2 parts. Moscow, 14-ia gos. tipografia, 1921, division 8, 517 + 978 p. (In Russian)
Statisticheskii ezhegodnik 1922 i 1923 g. In 2 issues. Moscow, 14-ya gos. tipografia, 1925, Issue 2, 239 p. (In Russian)
Statisticheskiy sbornik za 1913–1917 gg. In 2 issues. Issue 1. Moscow, Tipogr. MKKH, 1921, 277 p.; issue 2. Moscow, Tipografiia MKKH, 1922, 307 p. (In Russian)
Strumilin S. G. *Izbrannyye proizvedeniia*. In 5 vols. Volume 3. Moscow, Nauka Publ., 1964, 327 p. (In Russian)
Chubar'yan A. O. Predisloviye [Foreword]. *Posledniaia voina Rossiiskoi imperii: Rossiia, mir nakanune, v khode i posle pervoi mirovoi voiny po dokumentam rossiiskikh i zarubezhnykh arkhivov. Materialy Mezhdunar. nauch. konferentsii 7–8 sentiabrya 2004 g.*. Ed. by V. P. Kozlov. Moscow, Nauka Publ., 2006, pp. 5–10. (In Russian)
Chubar'yan A. O. Aleksandr Chubar'yan — o novom uchebnike istorii. Available at: http://www.nakanune.ru/articles/18265 (accessed 10.04.2017). (In Russian)
Shmukker M. M. *Ocherki finansov i ekonomiki zheleznodorozhnogo transporta Rossii za 1913–1922 gg. (V svyazi s obshchimi ekonom. yavleniyami zhizni strany)*. Moscow, Transpechat' Publ., 1923, 294 p. (In Russian)
Shubin N. A. *Rossiya v Pervoi mirovoi voine. Istoriografiia problemy (1914–2000 gg)*. Doct. Diss. Moscow, MGUS [Mocsow State University of Service] Press, 2001, 289 p. (In Russian)
Ekonomicheskoe rassloenie krest'ianstva v 1917 i 1919 g. Moscow, Mospoligraf Publ., 1922, 183 p. (In Russian)
Gatrell P. *Russia's First World War: a Social and Economic History*. Harlow [etc.], Pearson Longman, 2005, 318 p.
Gatrell P. Tsarist Russia at War: the View from Above, 1914 — February 1917. *The Journal of Modern History*, 2015, volume 87, no. 3, pp. 668–700.

Received: 19.04.2017
Accepted: 10.08.2017